

*Жизнь, пройденная без служения
широким интересам и задачам
общества, не имеет оправдания.*
Н.С. ЛЕСКОВ.

В Год русского языка в странах Содружества как языка межнационального общения, одновременно и Год педагога, и наставника – важно вспомнить корифеев, внесших огромный вклад в развитие отечественной лингвистической школы. 1920-е годы выдвинули плеяду выдающихся филологов, сформировавших новые принципы учебной и методической работы.

Д.Н. Овсяннико-Куликовский, Ф.Ф. Фортунатов, С.И. Абакумов, Ф.Е. Корш, П.О. Афанасьев, П.А. Дудель, И.Н. Кубиков, И.Р. Палей, Н.С. Поздняков, М.В. Ушаков, А.Б. Шапиро активно включились в работу по пересмотру целого ряда положений научно-педагогической деятельности.

К числу новаторов по праву относится и близкий друг Максимилиана Волошина – Александр Матвеевич Пешковский, 145-летие со дня рождения и 90-летие памяти которого в этом году отмечает российская словесность. Его деятельность, труды, нравственные позиции по защите и поддержке русского языка сегодня как никогда звучат актуально, что подтверждается дополненным январским (2023 г) Указом Президента России о внесении изменений в Основы государственной культурной политики.

Но вот случился еще один повод рассказать читателям об этом выдающемся ученом, филологе, просветителе. В тюменском альманахе «Врата Сибири» № 2(59) в разделах «Краеведение», «Критика и Литературоведение» появились замечательные статьи, которые предвосхитили появление вышеназванного официального документа. Они стали несомненным украшением выпуска и солидным вкладом в сохранение исторической памяти.

Упомяну статью писателя–краеведа Татьяны Солодовой «...несправедливо предано забвению», повествующую о тобольском лингвисте и писателе Сергее Иосифовиче Карцевском (1884–1955). Так вот, он был знаком с Пешковским, переписывался с ним и, находясь в эмиграции, обращался к Александру Матвеевичу за содействием в публикациях своих научных статей в России. Есть уверенность в заинтересованности нашего читателя узнать подробнее и об этой яркой, талантливой и многогранной личности. Тем более, это интересно и познавательно, что при знакомстве с российскими литературными журналами и альманахами последних месяцев таких качественных исследований прочесть пока не удалось.

Александр Пешковский – коренной сибиряк. Родился в Томске, в семье иркутского купца второй гильдии. В 1889 году он переехал вместе с родителями в Ялту, где окончил прогимназию. Дальнейшую учебу продолжил в Феодосийской мужской гимназии. Учился вместе с Максимилианом Волошиным, который оказал огромное влияние на формирование творческой личности своего друга.

Они сняли комнату в небольшом доме Петровых на Дурантовской улице. Глава большой семьи Михаил Митрофанович Петров, полковник пограничной службы в отставке, в силу разнообразных талантов слыл в Феодосии «своим Леонардо да Винчи».

В доме жила и старшая сестра пятерых братьев – Александра Петрова, преподавательница начальная женского училища, наставник, покровительница и собеседница Волошина и Пешковского. Эта улица легендарная еще и потому, что сегодня носит имя выдающегося феодосийского художника Константина Богаевского, тоже близкого соратника М. Волошина. Константин Федорович здесь поселился после женитьбы на представительнице древнего генуэзского рода.

В начале прошлого века Феодосия являлась средоточием интеллектуалов России. У живописца бывали Марина и Анастасия Цветаевы, Николай Бердяев, Константин Кандауров, Юлия Оболенская, внук Айвазовского, художник Михаил Латри, Александр Грин, Викентий Вересаев, Кузьма Петров-Водкин.

Александр несказанно рад знакомству с замечательными феодосийцами. А, главное, молодыми, как он! Он хорошо знал, что в Феодосии, древнем названии города, царил дух просветительства и стремления к знаниям. Ведь в городе еще в XIII веке при общинных церквях существовали школы, где изучали философию, грамматику, риторику, овладевали искусством переписывания текстов. Это чрезвычайно его волновало. Втроем молодые люди совершают прогулки по Итальянской улице, к морю, в городской сад, где гремел духовой оркестр пехотного Виленского полка, на мыс Святого Ильи. Они все такие разные. Петрова – строгая, с правильными чертами лица, Волошин – несколько меланхоличен и весь «в себе», Пешковский – восторженный, с зорким взглядом, остроумный. Беседы единомышленников о высоком вызывают всеобщее любопытство. На них обращают внимание, а у Макса девушки просят автографы. В вечерних дискуссиях обсуждаются свежие выпуски журналов, газет: «Вестник иностранной литературы», «Весь», «Мир искусства», «Золотое руно», «Русские ведомости», «Вестник Европы», «Политическая экономия». Александр и Александра исполняют классические произведения Баха в четыре руки.

Пешковский, преданно поклонявшийся Пушкину и Лермонтову, имел возможность вслушиваться в постоянное поэтическое бормотание будущего певца загадочной Киммерии. Когда в воображении возникали таинственные, непонятные образы, Александр испытывал особые душевные порывы. Иногда даже думал про себя: «Я тоже так могу!» Сам брал в руки перо, но строки получались малоподвижными, бессвязными. Однако упорный юноша продолжал познавать интуитивно ритм стиха. Тогда гимназист даже и не думал, сколько ему предстоит сделать в сфере языкознания. И уже совсем не представлял, даже в самых смелых мечтах, что станет преподавателем русского языка в московских школах и институтах.

Заслушиваясь волошинскими переводами Платона и Гейне, юноша вслед за другом читал Ч. Дарвина, В. Ключевского, В. Соловьёва. Они даже задумали издавать собственный журнал. И... О! счастье! Вместе они едут в гости в имение И.К. Айвазовского Шах-Мамай, который так тепло и уважительно их принял.

Приговоренный временем к традиционному изучению естественных наук, (так было заведено: сначала получить техническое, юридическое образование, а потом уже – танцуй, рисуй, сочиняй, лицейдействуй), золотой медалист, знающий латинский язык, математику, увлекающийся биологией, грамматикой, поступил в 1897 году на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Но на лекциях ему скучно, неинтересно.

Возможно, неопределенность в своем профессиональном будущем и повлияла на заинтересованность молодого человека в общественной

и политической жизни. В 1899 году за участие в студенческих волнениях его исключили из Московского университета, и Александр продолжил образование в Берлине. Через два года он снова поступил в Московский университет уже на историко-филологический факультет. В 1902 году по той же причине студент вновь исключается из университета и пять месяцев проводит в тюремном заключении, которое пережил достаточно сложно. Только спустя 5 лет Александр смог получить диплом. «Его переход от занятий естественной наукой в иную сферу, раскрывающую духовные способности человека, и стали тем отправным пунктом в судьбе будущего ученого, который на долгие годы определил его филологическое сознание», — пишет единственный исследователь творчества и жизнедеятельности языковеда, профессор, доктор филологических наук О. В. Никитин.

Самое положительное влияние на становление Пешковского как будущего ученого оказал Р.Ф. Бранд — известный славист, профессор Московского университета. Он был широко известен как поэт-баснописец, переводчик произведений славянских и западноевропейских художников слова. Он живо откликался на современные культурные явления и приоритеты, активно, в частности, участвовал в образовании лингвистических обществ. Например, написал работу о языке футуристов. Роман Федорович с 1889 по 1902 г. состоял секретарем историко-филологического факультета, неоднократно исполнял обязанности декана и, очевидно, способствовал благополучному завершению студентом Пешковским университета. Бранд был уверен в способностях любимого ученика, считая его подготовленным педагогом. На одном из учебников Александра «Наш язык» написано: «Моему первому и незабвенному учителю Роману Федоровичу Брандту посвящаю я эту книгу».

Жил Пешковский в центре Москвы по двум адресам: в доме № 2 по Рахмановскому переулку, где у него часто бывал его верный друг Макс, и на Сивцевом Вражке, в доме № 35, кв. 18. Неподалеку от него, в доме № 19, в начале 1912 г. останавливался и Волошин. Он и ввел Александра в круг знаменитых литераторов, художников, музыкантов.

Особенно часто их замечали на «Никитинских субботках». Недовольный качеством преподавания русского языка, здесь, в доброжелательной атмосфере, молодой ученый мог свободно высказываться, опираясь на живое слово слушателей, в творчестве которых он интуитивно находил подтверждение своим будущим открытиям. Идеи Пешковского, вызревая как художественный и лингвистический первоэлемент, кристаллизуются в процессе повышенного интереса к психологии, философии, что вызывает уважение среди литераторов. Неслучайно в № 3 сборника «Свиток», выпускавшегося этим обществом, вместе с публикациями Л. Гроссмана, К. Бальмонта, О. Мандельштама размещается и статья Александра Матвеевича.

С Волошиным он не прерывает связи, хотя иной раз у них случаются споры, непонимание друг друга в вопросах эстетики слова, а в дальнейшем — целого ряда научных позиций. Так, например, Пешковский раскритиковал статью Максимилиана «Скелет живописи» («Весы, № 1, 1904), назвав ее содержание как «окрошковидность», напоминая автору, что нужно писать так, чтобы читатель воспринимал мысли автора своими собственными. В 1910 году Максимилиан Волошин, в свою очередь, остался недоволен переводами Горация, считая, что его друг не выразил дух и стиль древнеримского поэта. Сам Александр безоговорочно согласился с оценкой и извлек из рекомендаций друга определенные выводы. Культуре филологического строительства они горячо обсуждали при встречах.

Дружья в разные годы встречаются в Париже, Женеве, продолжая филологские дискуссии. Эти темы остаются ведущими и в личной переписке друзей. Она составляет более 170 писем и ждет своего исследователя.

Он ворвался в лингвистику на плечах филологических гигантов. Молодой талантливый ученый сумел обобщить громадный опыт школьной и вузовской практики своих предшественников и стал автором многих оригинальных работ, обогативших русский язык. Работая над созданием новых учебников, регулярно выступал со статьями, посвященными изменению методики преподавания языка в школе.

Александр Матвеевич глубоко вникал в повседневные заботы учительской жизни, посвящая свои труды учету ошибок, предупредительному диктанту, особенностям преподавания в семилетней школе и среди малограмотных. Александр Пешковский – крупный знаток европейской лингвистической практики. Александру Матвеевичу принадлежит более двадцати книг (научных, методических, педагогических) и более сорока статей по вопросам лингвистики и методике русского языка. Изданы его «Избранные труды» тиражом в 4000 экземпляров.

В 1910-е годы ученый выступил в Москве на первом Всероссийском съезде преподавателей русского языка средней школы с докладом «Роль выразительного чтения в обучении знакам препинания». Он ведет активную общественную деятельность на уровне филологического просвещения. Пишет рецензии, редактирует книги ученых-практиков. В 1914 г. выходит еще один известный труд – «Школьная и научная грамматика: Опыт применения научно-грамматических принципов к школьной практике».

Так, языковед ратовал за изучение фонетики в школе: «С точки зрения усвояемости звуки представляют, конечно, наилучший из всех других элементов языка материал... Тут всё непосредственно ощущается, даже осязается на себе самом. Я бы сказал, что фонетика – это самый интересный, самый близкий к ребёнку уголок природоведения, грамматической науки, подобно тому, как черчение преподаётся при геометрии». До сих пор в школах идут дискуссии по проблеме зубрежки правил. Есть ученики, не знающие правил, но пишущие правильно. Много и таких, которые отлично знают правила, но пишут безграмотно. Пешковский своеобразно подводил итоги этих споров, причем особым художественным приемом: «Правописание – искусство. А во всяком искусстве возможны чисто интуитивные достижения. Немало есть музыкантов-самоучек, играющих без нот, «по слуху», даже транспонирующих слышанное в другой тон, с оркестра на рояль и так далее. И никому ещё в голову не приходило отрицать на этом основании пользу знания нот и теории музыки».

В 1914 году вышла первая научная работа А.М. Пешковского – «Русский синтаксис в научном освещении». Эта книга, отмеченная премией Академии наук, как сказано в предисловии к ней, «возникла из педагогической деятельности автора». Грамматика трактовалась филологом в её подлинном существе – не как прикладная дисциплина, учившая, как правильно говорить и писать, а как наука о формах, то есть о строе языка. Неслучайно на страницах этого объёмного, но увлекательного труда, появились строки из поэзии В. Брюсова, А. Блока, Ф. Сологуба наряду с отрывками из А. Пушкина, Н. Некрасова, Л. Толстого, А. Чехова и периодики 1920-х гг. Текст воспринимался ученым не как привычный объект изучения: он наполнен всполохами событий и имен, речевых характеристик разных эпох. Послереволюционная деятельность Пешковского связана с преподаванием на кафедре сравнительного языковедения в Днепропетровском (Екатеринославском) университете (1918 г.). Там он

одновременно давал частные уроки музыки и математики! Так сказать, для души и разнообразия своей интеллектуальной жизни.

С 1921 года Александр Матвеевич – профессор 1-го Московского университета и Высшего литературно-художественного института им. В. Я. Брюсова. В эти же годы он вел большую организационную работу: руководил Московской постоянной комиссией преподавателей русского языка, состоял членом специальных ученых комиссий при Наркомпросе и Главнауке. Так, например, 14 июля 1922 года ученый выступил с докладом «Желательные изменения в программе рабочих факультетов по русскому языку» на конференции рабочих факультетов. В то же время он занимался подготовкой материалов для «Словаря языка А. С. Пушкина» и составлением нового орфографического словаря для начальной и средней школы, толкового словаря русского литературного языка (так называемого «Ленинского словаря»), работа над которыми проводилась в начале 1920-х годов. Труды ученого положительно встречали в профессиональном сообществе, хотя находились и авторитетные оппоненты. Но и они со временем соглашались с многими воззрениями филолога. В 1925 году профессор избран в действительные члены Общества любителей российской словесности.

Каким он был человеком? Об Александре Матвеевиче с большой теплотой вспоминали люди, отмечавшие, пожалуй, самую суть его натуры: страстность, пытливость мысли, борьбу за передовые идеи в методике русского языка.

Известный филолог Н. Поздняков писал: «...он как живой стоит передо мной: маленький, подвижной, очки всегда немного набок, а за ними сосредоточенные, постоянно вглядывающиеся в какую-то мысль глаза. Я вижу искорки, вспыхивающие в его зрачках, улыбку, сопровождающую эти вспышки, и мне чудится его голос...»

Портрет Пешковского дополняют воспоминания писателя А. Р. Палея: «Из-за своего некрепкого здоровья... Александр Матвеевич быстро уставал от ходьбы. Потому он носил с собой портативный складной стул. Однажды мы с ним встретились у гостиницы «Метрополь» ... Пешковский поставил стул у стены здания и расположился сидя побеседовать со мной. Какая-то проходившая мимо старушка посмотрела на стульчик, потом на сидевшего на нем пожилого человека, явно не собиравшегося уходить. Затем, движимая, очевидно, привычными ассоциациями, достала монетку и попыталась предложить ее Александру Матвеевичу. Пешковский потом добродушно смеялся...»

Жена Пешковского, Людмила Сергеевна, прожила 78 лет. У него было трое племянников – сыновья его старшего брата Артура. Среди них – журналист и прозаик Александр Артурович (1905) во время заключения печатался в «Соловецких островах», мичман Лев Артурович (Понсард; 1894–1936), Георгиевский кавалер, прапорщик Арнольд Артурович (Арнольд-Вольдемар-Матеус Пешковский, 1892), полярник, участник Ленского похода.

Жизнь А. М. Пешковского оборвалась 27 марта 1933 года.

Александр Матвеевич верно, с полнокровной самоотдачей отстаивал систему жизненных и научных ценностей, беззаветно служил стране. А наследие Пешковского сегодня служит надежным щитом, точным компасом в сохранении культурного суверенитета России.